

Десятый градоначальник Таганрога

Николаенко А.

О таганрогских градоначальниках, равно как и о самом градоначальстве, мы знаем мало. Часто наши знания не выходят за пределы «Истории Таганрога» П. Филевского. Мы забыли о градоначальниках до такой степени, что, когда в 1999 г. исполнилось 200 лет со дня рождения одного из них – Михаила Адриановича Лаврова, о нем не сказали ни доброго, ни худого слова.

Я заинтересовался личностью М. Лаврова, собирая материал о И. Кукольнике. Хотел узнать, кто был градоначальником в 1857 г., когда Н. Кукольник решил переселиться в Таганрог. Оказалось, что этот контр-адмирал М.А. Лавров, который в этом году сменил генерал-майора графа Е. П. Толстого.

«Как градоначальник, он [М. Лавров], – пишет П. Филевский, – был бесцветный, а в учреждениях, ему подведомственных, велись дела не совсем добросовестно и даже, как говорили тогда, с ведома его самого».

Вот те раз! Ведь до того, как стать десятим градоначальником Таганрога, М. Лавров уже был известен России. На западном побережье Новой Земли хорошо заметен с моря мыс Лаврова. Ф.П. Литке, руководивший плаваниями к острову в 1621-24 годах, так пишет по этому поводу: "Приметный мыс этот назвал я по имени старшего нашего лейтенанта мысом Лаврова». Так кто же все-таки этот М.А. Лавров?

Родился М.А. Лавров в Архангельске. Учился в Морском кадетском корпусе. Участвовал в ежегодных практических плаваниях. После окончания учебы провел четыре кампании на Балтике и один переход на транспорте «Мезень» из Кронштадта в Архангельск и обратно.

В экспедициях на Новую Землю, которые организовал Ф. Литке, М. Лавров был старшим офицером брига «Новая Земля». В письме адмиралу Сарычеву Ф. Литке так отзывался о М. Лаврове: «Лейтенант Лавров со всеми достоинствами отличного морского офицера соединяет неутомимое усердие к службе. Сверх управления вахтой употреблялся он при описях тех мест, где мы останавливались, и вообще в таких делах, где требовалось искусство и деятельность. Офицер сей сделает, без сомнения, честь флоту, и для пользы службы должно желать, чтобы он был употреблен».

Буквально сразу по окончании четвертой экспедиции (1824 г.) на бриге «Новая Земля» М. Лаврова отправляют в кругосветное плавание на шлюпе «Кроткий» под командованием Ф.П. Врангеля. Здесь он служил вместе с лейтенантом Ф. Матюшиным, лицейским другом А. Пушкина, впоследствии адмиралом. Позднее, в 1831-1834 годах, капитан-лейтенант М. Лавров уже командует кораблем, ходит по Средиземному и Адриатическому морям, участвует в сражениях с пиратскими судами и производится в капитаны 2-го ранга. В 1846 году в личном деле капитана 1-го ранга М. Лаврова появляется запись: «За дерзость и ослушание противу своего бригадного командира разжаловать в матросы». Это серьезный поворот в судьбе М. Лаврова. Причину его изложим на основании исследований П.С. Попова, почетного полярника, поднявшего в 1970-х годах архивные документы по случившемуся, и дополним их сведениями из «Истории Таганрога» П. Филевского.

Командиром бригады, в которой в 1846 году служил М. Лавров, был контрадмирал Л.Я. Карпов. По свидетельствам современников, он слабо понимал разницу между собственным именем и вверенной ему бригадой и однажды дал М. Лаврову приказ выделить матросов для помощи «в партикулярной работе его прислуги». Конечно, М.Лавров отказался. Не решившись предать огласке происшедшее, Л. Карпов стал искать повод объявить выговор М. Лаврову. Такой случай представился вскорости.

Летом 1846 года М. Лавров, командуя парусным кораблем «Гангут», в составе 1-й балтийской дивизии участвовал в сложных маневрах корпуса. Контр-адмирал Л. Карпов держал флаг на «Гангуте» и мелкими придирками, а также унижительными замечаниями в присутствии команды и штаба дивизии стремился вызвать М. Лаврова на скандал. Напряженность достигла апогея, когда контр-адмирал дал указание поднять паруса. «Лавров, видя, что адмирал ничего не понимает, – пишет П. Филевский, – и не только испортит маневры, но и подвергнет корабль опасности, не позволил этого сделать; адмирал указал на адмиральский флаг и потребовал повиновения. Тогда, говорят, Лавров с азартом сказал: «Это тряпка, и она ничто пред священным долгом моряка».

Дерзкий ответ дорого обошелся М. Лаврову. И несмотря на понимание мотивов его поступка главным командиром Кронштадского порта А. Лазаревым и командующим флотом Ф. Беллинсгаузеном, Николай I приказал «Лаврова отдать под суд с содержанием под арестом в Петербурге». Но и Л. Карпов, не без влияния флотского общественного мнения, был «отрешен от бригады» и вынужден уйти в отставку.

Разжалованный в матросы М. Лавров был направлен служить на Черноморский флот. Он прошел вновь всю служебную лестницу: матрос - мичман - лейтенант. Только в 1850 году М. Лаврову возвращают чин капитана 1-го ранга, но тут же увольняют в отставку.

В 1853 году начинается Крымская война. М. Лаврова снова принимают на службу и вскорости производят в контр-адмиралы. А в 1857 году его назначают десятым градоначальником Таганрога. Здесь ему и с русским писателем, чиновником (в отставке) Военного министерства Н. Кукольниковом.

После Крымской войны в Таганроге начался подъем производства и торговли. Государство и частные лица (особенно Я.С. Поляков) делают серьезные попытки оживить мореходство. В Таганроге широко идет строительство мелких судов. В 1864 году открывается пароходная линия Таганрог – Константинополь. При М. Лаврове реформируется городская полиция и устраивается освещение г. Таганрога, открывается женское училище, позднее преобразованное в Мариинскую женскую гимназию.

В этих делах очевидны заслуги М. Лаврова. И во многом помощь ему оказывает Н. Кукольник. Так, в 1860 году М. Лавров обращается на высочайшее имя с запиской по вопросу обмеления Азовского моря. Есть достоверные данные, что записку эту готовил Н. Кукольник.

Не мог не знать М. Лавров и о том, что в феврале 1857 года Н. Кукольник обратился в министерство просвещения с запиской об открытии в Таганроге университета. На это указывает то, что М. Лавров приглашает попечителя учебных заведений Одесского учебного округа Н.И. Пирогова проинспектировать таганрогское градоначальство. Н. Пирогов дал положительное заключение, однако не согласился с тем, что здесь надо открывать университет.

Противостояние М. Лаврова и Н. Кукольника возникает на волне реформ 1861 года и их последствий. Время было бурное и сложное. Общество серьезно расслоилось. Большая часть его выступает «поборниками прав и свобод», что выражается, к сожалению, прежде всего в духе традиционного российского хозяйства. Политики и власть, кстати, как и сегодня, делают ставку на самый жесткий прагматизм. Реформа сводится к приспособляемости «чиновничьей революции» к интересам Его Императорского Величества.

В этих условиях у М. Лаврова, естественно, возникают подозрения относительно Н. Кукольника. Вся его деятельность до этого (начиная с периода учебы в гимназии в Нежине) и служба говорили о том, что Н. Кукольник с его идеями об университете, газете, железной дороге, очистке Азовского моря и т.п., вероятнее всего, противник самого градоначальника, который до нужного момента умеет скрывать и свои мысли, и свои мировоззренческие пристрастия. И вот во что это конкретно вылилось. Предоставим слово самому Н. Кукольникову (здесь и далее цитаты взяты из письма Н. Кукольника к П. Валуеву, 1872 г.): «В начале прошедшего года при выборе членов в комитет по устройству городских сообщений в Таганроге общество дворян, купцов и мещан совместно удостоило меня почти единогласно избрать, и г. Градоначальник утвердил меня в этом звании. По совести я не мог уклоняться от этого ко-

митета, потому что намеревался жить в Таганроге. Я не мог оставаться равнодушным зрителем произвольной растраты городского достояния, и в новоутвержденном комитете, видя значительный источник городского дохода, усматривал возможность, если дальнейшей пользы для города на первый год извлечь и не удастся, то по крайней мере, сохранить доход этот в целости. Соображения мои оказались совершенно верными. Правда, не дали вымостить и переулка, но в утешение нам осталось, по крайней мере то, что ни одна копейка из сбора мимо городской казны не проскользнула. Но при таком направлении действий комитета, с самого его открытия до конца года, мы должны были испытывать беспрестанные неприятности, доходившие до ругательных на наш счет официальных отзывов. Законы, права наши, все было ниспровержено, можно сказать, ежедневно. Мы искали защиты у генерал-губернатора - напрасно. Презирая достойное презрение, мы не отступали ни от закона, ни от совести».

Но что это дало? Опять предоставим слово Н. Кукольнику: «Во время моего пребывания в С.-Петербурге назначены были в Таганроге новые выборы в члены комитета. Общество в полном составе опять, почти единогласно, избрало меня в члены, но, к общему удивлению и личному оскорблению, Лавров не утвердил меня на том основании, что не я, а жена моя имеет дом в Таганроге, и приказал произвести выборы вновь, и уже не в полном составе, а по сословиям.

Из числа дворян-домовладельцев, которых здесь было 100, избрано только 20, которые удостоены приглашения полиции по своему выбору. Дворянские выборы были произведены под председательством купеческого головы! Несмотря на все это, Лавров признал эти выборы законными и утвердил членов!»

Читаешь все это и диву даешься. Видимо, не зря говорят, что происходящее в первый раз – это трагедия, а второй раз - фарс. Когда М. Лавров, ссылаясь на «священный долг моряка», с азартом назвал адмиральский флаг тряпкой, можно было что-то понять, как-то объяснить. Но тут как быть? Дворянские выборы под председательством купца, а выборщиков назначила полиция по своему усмотрению. Тут уж о «священном долге моряка» говорить не приходится, хотя закон - это не адмиральский флаг. Это посерьезнее.

Впрочем, 1862 год – это первый год после крестьянской реформы: грядут перемены, общество ждет, оно в напряжении. На действия Лаврова поступают жалобы, но ни он, ни те, к кому поступают жалобы, никак не реагируют. Вновь избранный комитет почему-то не собирается и не работает.

В мае в Таганрог поступает на отзыв проект программы о местном самоуправлении. Программа разослана министерством внутренних дел, дан срок на отзыв - октябрь 1862 г. Но таганрогское градоначальство как воды в рот набрало. И вдруг в июле 1862 опять назначаются новые, третьи по счету выборы комитета. И опять по сословиям.

Говорит Н. Кукольник: «Градоначальник поручил провести выборы председателю коммерческого суда, даже не спросив дворян, угодно ли им своим предводителем иметь Алфераки. Полиция по выбору пригласила только 14 человек. Собравшиеся просили оповестить других, отложили выборы на 10 июля. Собралось 44 избирательных голоса. Дворяне без соблюдения форм приступили к выборам, и в самом начале обратились ко мне с просьбой принять участие в занятиях комитета. Я предъявил свои избирательные права, т.е. полномочия жены, вводный лист на свой собственный дом, но тут же просил уволить меня, ибо не желаю подвергаться новым оскорблениям со стороны градоначальства. Дворяне в присутствии исполняющего должность прокурора нашли права мои неоспоримыми и настоятельно потребовали моего согласия. Я уступил неохотно, потому что четырехлетним опытом убедился, что закон для Лаврова не имеет значения. Из 44 я получил 39 шаров. Но Лавров и на этот раз устранил меня от столь важного общественного дела, заявляя, что я не домовладелец и собственности в Таганроге не имею».

Режим, как мы знаем, в 1862 году был демократическим, и этот режим создавали и те, кто баллотировался, и те, кто утверждал результаты выборов. И несмотря на то, что стороны противостояли друг другу и апеллировали к закону, демократия, которую они осуществляли, была управляемой, бутафорской. Бутафорность демократии прежде всего заключалась в том,

что высокопоставленный и достаточно дисциплинированный чиновник (а Кукольник был таким) обстоятельствами времени был вытолкнут на поверхность общественной жизни местного уровня. Могли бы и назначить его. Но градоначальник понимал, что избрание Н. Кукольника для него опасно, ибо речь идет не просто об общественном деятеле, а об участии в общественной жизни высокопоставленного чиновника. И не просто понимал, а прекрасно видел, что в таганрогский период жизни в общественной деятельности этого чиновника произошло соединение либеральных ценностей с патриотическими. И это подталкивало Н. Кукольника к модернизации градоначальства с учетом русской национальной специфики и всех особенностей реформенного периода.

М. Лавров был за освещение города, очистку улиц, мощение дорог. А тут какой-то «умник», переехавший из С.-Петербурга, ратует за открытие университета, выпуск в городе газеты и т.п. Другими словами, он проповедует на местном уровне духовное и нравственное спасение государственного суверенитета, а национальное достоинство Приазовского края ставит выше сиюминутных выгод экономического и социального характера. Так, чего доброго, можно и с постом градоначальника расстаться.

И тут на первое место выходит бутафорность демократии, ибо теоретические рассуждения о свободах на практике сводятся к голому прагматизму, при котором важна ориентированность на дисциплинированность чиновников, неважно, назначают их или избирают. И Лавров использует власть и выходит победителем.

Я приношу извинения читателям за такие длинные рассуждения о демократии. Но я пошел на это только потому, что не имел никакого желания обвинять М. Лаврова в незаконии, ретроградстве или в чем-нибудь другом. Мы имеем (и имели еще 150 лет назад) таких руководителей, каких сами хотели. А что касается М. Лаврова, то надо сказать, что после описанных событий, его градоначальство окончилось только через два года, в 1864 году, без осложнений. Он спокойно переезжает в Петербург, а в 1872 году его даже производят в полные адмиралы, но зачисляют, видимо, учитывая возраст, в резервный флот. Скончался М.А. Лавров в ноябре 1882 года в Петербурге.

Некоторые исследователи деятельности М. Лаврова на посту градоначальника считают, что «не только в развитии города, но и всего градоначальства можно найти его заслуги». Не оспаривая эту оценку, я считал своим долгом донести до читателя всю доступную мне информацию, а как читатель оценит ее – это его дело.

В заключение мне хотелось бы выразить признательность петербургскому исследователю В.А. Грамову, приславшему мне копию письма Н. Кукольника к П. Валуеву – министру внутренних дел России. Только благодаря ему представилось возможным подготовить эту статью.